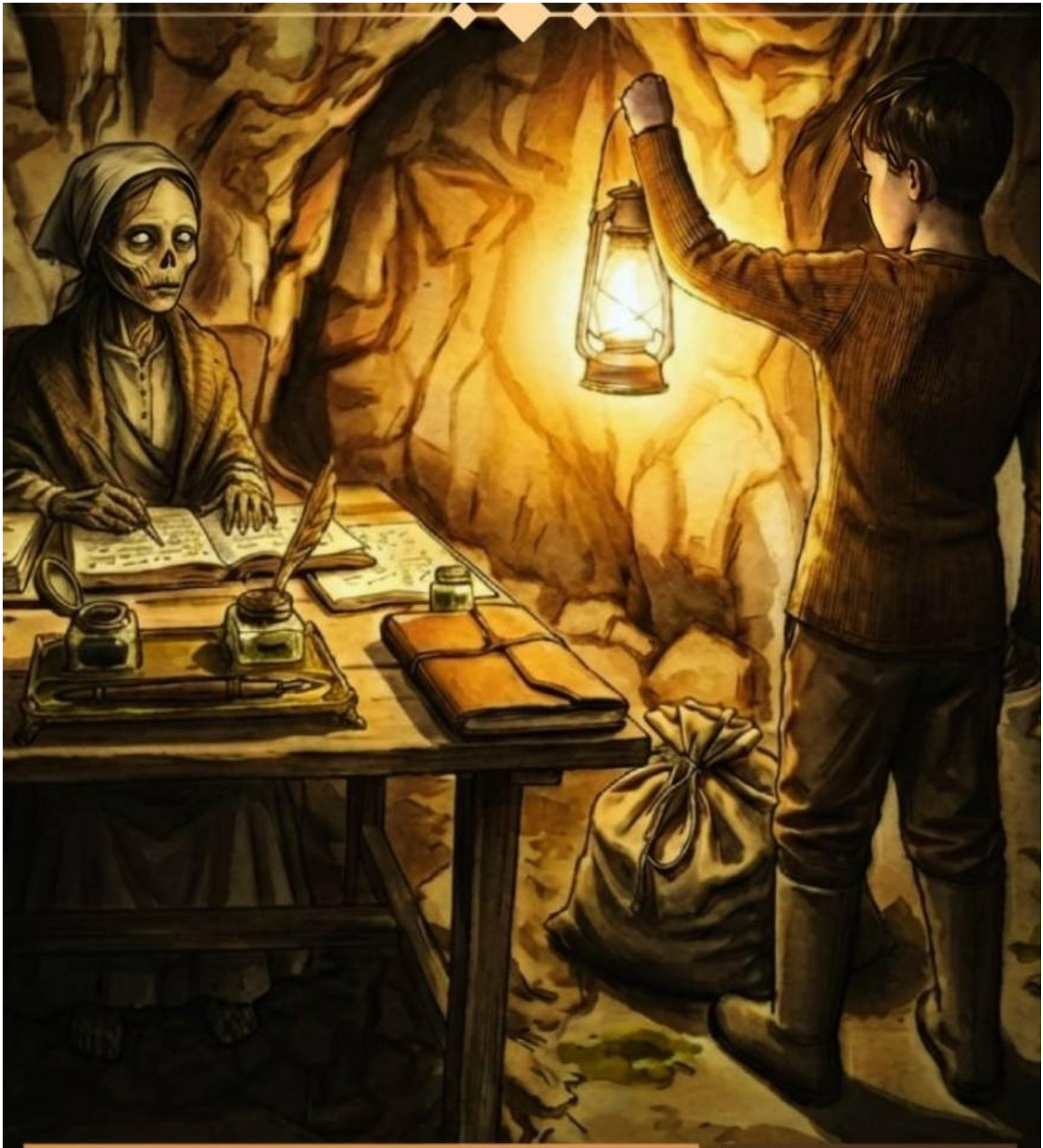

ЕВГЕНИЙ БОРОВИКОВ

ДИЛЕММА ДИКОБРАЗОВ

КНИГА II

ГОЛОС СИЯЮЩЕЙ ПТИЦЫ

Дилемма дикобразов

Евгений Боровиков

Голос Сияющей Птицы

«Автор»
2026

Боровиков Е.

Голос Сияющей Птицы / Е. Боровиков — «Автор», 2026 — (Дилемма дикобразов)

Продолжаются приключения советского школьника-начинающего волшебника в 1965 году! География расширяется, опасностей и интересностей становится больше! Но сильнее всего манит неведомое наследие прародительницы.

© Боровиков Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1 10
Глава 2 15
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Евгений Боровиков
Голос Сияющей Птицы

Пролог

Он называл себя Великим Хищником. Давным-давно, когда только его блестящий мозг придумал это прозвище, поначалу оно показалось чересчур претенциозным и пафосным. Но с каждой следующей жертвой самоприсвоенный титул нравился ему всё сильнее. Из всех вариантов, постепенным и неторопливым перебором которых он занимался уже седьмой год, этот со временем стал наиболее точно отражать суть его действий.

Хищник ведь не занимается долгой и кропотливой слежкой за предварительно выбранной жертвой – это удел неуверенных и слабых. Хищник перебирает возможности убивать. Безнаказанно убивать! И с каждой новой жизнью, нить которой он обрывает, приставка «Великий» всё больше соответствует его деяниям.

Возведя вокруг своего неудержимого, яростного желания несокрушимые стены правил, до нуля уменьшающих шансы попасться жалким дуракам, непонятно как принятым в ряды правоохранительных органов, он мог месяцами ждать подходящего случая снять маску обывателя и забрать причитающееся по праву.

По праву сильного.

Всё началось в мае пятьдесят третьего, когда в его родной Молотов вернулся двоюродный дядька, которого Советская власть нежданно-негаданно освободила в марте, вместе с миллионом других заключённых. Сиделец не был закоренелым душегубом, к тому же ему только исполнилось пятьдесят пять, и наверху решили, что такие старики уже не представляют опасности для общества. Немыслимая по своей численности волна криминального элемента, практически одномоментно отпущенного на свободу, захлестнула полустанки и железнодорожные станции Сибири и Дальнего Востока, а также большую часть населённых пунктов, расположенных вдоль железки. Начался безудержный разгул людей, за годы заключения отчаявшихся до крайней степени, смирившихся со скорой смертью и животным существованием, а сейчас опьянённых свободой. В иных местах их собиралось в десятки раз больше, нежели сотрудников милиции: вчерашние зеки, особо не стесняясь, грабили магазины, кафе и рестораны, занимались разбоем, кражами, баловались изнасилованиями и бандитизмом прямо среди белого дня. Денег им на дорогу «вертухаи»-то выдали, но что там было тех скупых рублей, когда душа человека, годами томившегося в стылом деревянном бараке, праздника просит!

Само собой, с ходу кинувшихся сызнова жить по-воровски и отрываться за время, проведённое в тюрьмах да лагерях, было меньшинство. Но за следующий год обратно на нары со свежими статьями заехало без малого сто тысяч ухарей из числа тех, кому власть дала второй шанс. Ну и сколько-то сгинуло при задержании, не без этого. Правда, и «ментов» тогда по стране полегло батальонами в попытках приструнить свежеотпущенников, отчего МВД ну очень не любило вспоминать про ту приснопамятную «ворошиловскую» амнистию.

Нехлюдов Валерий Игнатьевич по кличке Хирург был товарищем неглупым: в кипеж на станции не полез, издалека понаблюдав, как ватажка потерявших голову от воли вчерашних собригадников-лесорубов внаглую обносит железнодорожную кассу, а тихо-мирно сел на поезд и вернулся в родной край. Поселился у сестрицы, всю жизнь отиравшейся при фартовых, хоть и работавшей для вида уборщицей в каком-то присутственном месте, и начал осматриваться, не торопясь: как жизнь вокруг вертится да куда бы потеплее примазаться. Несмотря на возраст, тянул Валера только первый срок, да и тот получил за чужую промашку. После крупного куша, взятого в городском отделении банка одного райцентра, его идиоты-подельники, вместо того

чтобы залечь на дно на несколько месяцев и не совать своё хайло дальше местной «малины», закатились в центровой ресторан вместе с клёвыми и устроили пьянку, переросшую в дебош. Ещё и отстреливались от мусоров, прикрываясь официантками. Не обошлось без трупов – нарисовали сами себе пучок свежих статей, тупорогие. А когда их повязали, то у каждого ещё и полные карманы «капусты» нашли. Фартовые же никому не доверяют, бляха-муха – своё носят при себе. А номера на купюрах в пачках подряд идут, да все уже и на примете. В общем, раскололи их по самую задницу, да те Хирурга и вложили, что был вместе с ними на деле.

А так всё хорошо складывалось: десять лет Нехлюдов гастролировал по всему Союзу, своими тонкими пальчиками быстро и аккуратно, не оставляя царапин и следов, открывая любые замки. За такие чудеса и кликуху ему фартовые прилепили – работает, мол, споро и точно, как опытный хирург пациента на столе пластает. Был осторожен: водкой не злоупотреблял, в загулы не падал, старался работать редко и в дело с кем попало не идти. И эта злосчастная касса должна была стать его последним выходом на сцену – по расчётам, скопленных денег хватало на безбедную жизнь до глубокой старости. Но фортуна повернулась к медвежатнику пятой точкой и изгадила все планы.

Нет, малую часть накоплений удалось спасти в тайнике вне дома, но всё остальное уплыло при обысках в загребущие государственные руки. И за несколько лет, проведённых на лесоповале в бескрайней тайге, у Хирурга родился выдающийся, по его скромному мнению, план: пусть другие за него дела делают и шкурой рискуют, а он будет иметь свою долю с их навара и жить не тужить. Да и холёные пальчики, когда-то способные почувствовать по щелчкам механических замков правильное положение крутилок и вертелок, сильно пострадали от грубой работы на лесоповале и постоянных простуд.

Поселившись в домике сестры и пользуясь теми часами, когда та уходила на работу, Валерий начал осторожно зазывать в гости на чаёк да водочку парней помоложе, неоперившихся и жизни ещё не нюхавших. Поначалу родственников и знакомых, а через них потихоньку расширял свой круг общения. Цель была и простая, и сложная одновременно: присмотреться к молодёжи да подметить, с кем можно по-серьёзному перетирать и дела вести. И темы в таких беседах были весьма для желторотиков завлекательные: жизнь удалая, фартовая, кабаки да девки беспутные, деньги без счёта. Закидывал старый зек вкусную наживочку. Кто в общении себя ровно показывал – тех Хирург снова в гости приглашал, а если видел в собеседниках интерес к обсуждаемому, то и намекать начинал, что ищет учеников. Пришла, мол, пора опыт к делу своему чистенькому да интересному новому поколению передавать. «Руки марать не надо, всю грязь можно спихивать на тупых бычков, а то и совсем одному работать, были бы ум да сноровка. Ты ведь неглупый вроде, по виду, так?»

И собеседник обычно соглашался. Кому же охота дурачком-то выглядеть. И некоторые были не прочь и в ученики к мастеру записаться. Вот тут уже Хирург и подсекал рыбку: «Преподаю на совесть, да должен ты мне будешь. Деньги немалые, но с моими знаниями быстро обернёшься, а дальше чистый прибыток пойдёт – пей, гуляй да девок мясистых щупай скок хошь. С деньгами-то любая даст, это сейчас они от вас, юнцов малоусых, нос воротят».

Работало – подобрались мало-помалу ученички, и в старой сумке под койкой Хирурга появились замки, замочки да замочечки всех калибров и мастей. Даже пару-тройку самых ходовых сейфов через третьи руки прикупил бывший медвежатник, дверцы с них поснимал в качестве пособий, а железки сбагрил. Натаскивал грамотно, в том числе и приблуды-отмычки мастырить на все случаи жизни.

Вот так среди его учеников и затесался будущий Великий Хищник, тогда ещё малолетний двоюродный оболтус-племянник. Перенял всю науку за пару лет, потом ещё годик меньжевался, боясь на первое дело идти, да тут учитель за оплату напомнил, волосатый кулак к носопырке поднеся. А долг большой был – мирной жизни получка за несколько лет целиком.

Как ни мялся, ни боялся, а пошёл-таки юнец на дело – и свезло! Передал ему Хирург наводку на барыгу, своими связями полученную. Целый месяц молодой тщательно следил за окнами нужной квартиры и смог выделить тот промежуток времени, когда дома никого из семьи толстосума не было. Уже со входной дверью пришлось пободаться – два замка, да непростых. А в дальней комнате и сейф нашёлся. Наука впрок пошла, и через полчаса «гробик» показал своё стальное нутро, да непустое: кило золотых цацек и несколько пачек наличности.

Вот только дальше вышла незадача: на радостях парень сразу к учителю попёрся, не подумав часть куша по дороге скинуть. А тот возьми да и загреби всё себе, едва увидел. Наводка на барыгу чья? Крыть здесь нечем. И должок за учёбу подрасти успел – сам виноват, неча было столько тянуть. Только пачку самых мелких купюр сунул в руку ученичку, словно с барского плеча шубу лакею в старорежимные времена. Взыграла тут обида лютая у подрастающего поколения – слово за слово, кулаком по столу, да и до драки дело дошло. Молодость не без труда, но победила. А поскольку старик сгоряча пригрозил смертью, а слов на ветер он никогда не бросал, то отступать было уже и некуда.

Всё чистенько сделал Хищник: в выгребной яме утопил дядьку, накидав тому камней за пазуху, и в доме никаких следов не оставил. Но перед смертью успел попытать фартового, присвоив все его накопления. Сам себе подивился, но никакой жалости или брезгливости не испытал, ломая старику его ухоженные пальцы и вгоняя ножик в грудь. Никто покойничка толком не искал: зек не работал, сестрица какое-то время пропивала найденные на столе деньги, а пара приметных вещей и обувь покойного уже давно лежали в тяжёлом узле на дне местной речушки. И беспорядок в комнате, случившийся во время драки, был аккуратно прибран способным учеником. Ушёл фартовый из дома, да и не вернулся – вот и вся недолга.

Прошла зима, затем весна, наступило жаркое лето. Начинающий медвежатник голову не терял, ни перед кем делами не хвастался, спиртное не пил. Деньги и те почти не тратил, только гардероб обновил и девицу тогдашнюю чуть по ресторанам выгулял. Поругался с родителями, почуяв волю и не желая следовать дурацким советам о том, как ему правильно жить. Устроился работать на почту и смотрел во все глаза да слушал во все уши. И следующее дельце подвернулось само собой: шептался народец, что директор гастронома жирует, словно буржуин недобитый. Машина, меха, богатая квартира – всё, как полагается. Вот и захотелось почтарю самому подивиться, как успешные люди живут. Снял комнатку в доме напротив нужной квартиры, пару месяцев вечерял у окошка да выглядывал, кто из домочадцев когда приходит-уходит.

Наконец подгадал нужный момент – богатейчик с супругой в субботний вечер сели в служебный автомобиль да отбыли, как обычно, в театр, а дочка тут же смылась из дома. Видать, в строгости её мамка держала – молодуха всегда на волю дёргала, чуть только родители за дверь.

В квартиру удалось забраться через балкон без особых проблем – спасибо кроне густого дерева да «кошке» с верёвкой. Началась экскурсия, прямо как в музее, только интереснее: без покупки входного билетика и с присвоением понравившихся экспонатов. Трогал всё без опаски – спасибо дорогущим перчаткам из тончайшей кожи, которые начинающий вор надевал только идя на дело.

Жил директор и правда на зависть многим. Лампочка в гостиной не просто под потолком одинокой грушей висит, а в люстру обёрнута, а на полу ковёр пёстро-красный. Мебель из какого-то непростого дерева. Бархатная скатерть с кисточками на столе, да такого же материала портьеры. Особенно поразил пришельца санузел: весь в лепнине, выложенный дефицитной плиткой, всё блестит, сияет и пахнет почему-то не дерьмом, как полагается! Надо поправить несуразность. Да и есть в этом какой-то вызов: пометить чужую территорию. Прямо как Хищник, так ведь? Но незадача случилась – только он как следует расслабился в эдакой благодати, как громко, словно пистолетный выстрел, щёлкнул дверной замок.

Сердце припустило галопом. В голове промелькнула надежда, что неурочный посетитель возьмёт в квартире то, за чем вернулся, и уйдёт восвояси. Цокающие по паркету шаги женских туфель приближались и отдалялись, и снова приближались. Затаился. Дверь в туалет дёрнули раз, другой, затем поинтересовались: «Кто там?»

Надо было что-то решать, и быстро, пока не поднялся шум на весь подъезд. Откинул защёлку, распахнул дверь и коротко сунул в челюсть застывшей у порога фигуре. Не свезло – удар вышел смазанным, хозяйская дочка только ахнула, отступая на шаг и прикрывая скулу рукой. Прищурилась, внимательно всматриваясь в чужое лицо, благо коридор был прекрасно освещён. И уже открывала рот, набирая полную грудь воздуха, чтобы оповестить всю округу о незнакомце в родной квартире, как тычок кулаком под дых выбил из лёгких весь воздух.

Собственно, девушка, по мнению незадачливого грабителя, была сама виновата: не вернулась бы в неурочный час домой, осталась бы жива-целёхонька, а так пришлось кончать. Не сразу, само собой – больно красивой оказалась. Вот тогда и понял парень, чем ему больше всего нравится заниматься в жизни: смотреть в глаза беспомощной жертве, упиваясь властью над ней.

У каждой добычи был свой собственный, неповторимый взгляд в тот момент, когда его руки стискивали мягкое, податливое горло. О, сколько эмоций можно было разглядеть в такие моменты: страх, ненависть, обречённость, непонимание, гнев и другие. Такие разные, такие привлекательные. Каждый зрительный контакт был как уникальный напиток, который благоволящая судьба приготовила для него одного. Но свою первую дичь он не забудет никогда. В тот тёплый летний вечер парень шёл домой шатаясь, будто пьяный: кровь кипела, кидаясь в голову, сердце громко стучало, бухая барабаном, казалось, на всю улицу, а ноги то и дело заплетались. Мимо сознания проплывали приятные ароматы июньской ночи и звуки ночного города – вспоминал снова и снова эти карие глаза, переживал самые яркие, словно вспышка молнии в ночи, бередящие душу эмоции. Да что говорить – он напрочь позабыл про дорогие вещи, деньги, драгоценности и тайники, ради которых и пошёл на дело. Мешок с наваром так и остался лежать на полу чистенького клозета.

Всю следующую неделю он ходил, улыбаясь, словно блаженный, и смаковал изменения в своём отношении к окружающему миру. Что ему те сейфы, деньги и ценности? От Хирурга осталось немало, да и первое дело вышло удачным. К роскоши и выпивке он был равнодушен, из вредных привычек копейку тянуло лишь курево. А вот снова смотреть в красивые, обрамлённые густыми, воздушными ресницами, округлившиеся от ужаса девичьи глаза, видеть, как зрачки стремительно расширяются в момент смерти жертвы, чувствовать, как тело расслабляется под сильными пальцами, принимая его волю – вот это была настоящая жизнь. А до того было так… Бесцельное существование.

Целую неделю он в сновидениях снова глядел в эти прекрасные глаза, был рассеян на работе и имел мечтательный вид. Бабы-сплетницы на почтамте сразу пустили слух – мол, влюбился наш парнишка-то. Но острые эмоции вскоре поблёкли, и захотелось повторить, ощутить снова этот коктейль, что кружил голову хлеще любого шампанского.

Покойный учитель, пытаясь вырастить достойного медвежатника, сам того не ведая, вскормил идеального убийцу. Хищник умел всё: долго выжидать, быстро обездвиживать жертву, прекрасно заметать следы. Разбирался во всех тонкостях воровского дела – от азов маскировки до сбивания розыскных собак со следа. Не торопясь, сменил место проживания, район города, нашёл другую непыльную работёнку. Зачем ему куда-то спешить, так можно только засыпаться по-глупому. А ошибаться ему нельзя – из тюрьмы с таким букетом статей живым уже не выйти.

К тому моменту, когда в пятьдесят седьмом году Молотов переименовали обратно в Пермь, он уже давно покинул этот славный город. Страна бескрайняя, дичи с большими, выра-

зительными глазами в ней бегает много. Несправедливо будет обойти вниманием другие угодья.

Охота началась.

Глава 1

13 июня 1965 года, Берёзовка

Я сидел на траве и смотрел в сторону телеги, но ничего не видел, глубоко уйдя в свои мысли. «Думай, – сказал чуть раньше Иван, – хорошенько обмысли, к чему приведёт то или иное твоё решение». Сам Однорукий занялся коровками: гладил их по мордам, просил встать и пройтись, срывал пучки травы и совал бурёнкам под нос. Машка уже смогла подняться и, еле-еле передвигаясь, пощипывала сочную траву, росшую в тени деревьев, а вот Буянке ещё было плохо.

Итак, какие существуют варианты наших действий? Есть лёгкий путь – пастух сам вызвался порешить преступников, если у меня «кишка тонка», и прикопать их. Но останется большая могила. Да и цыган могут начать искать их родственники или друзья. Ехали они по дорогам, значит, видели их многие и наверняка запомнили эти колоритные рожи.

И ещё нас могут выдать мои травмы. Своими силами я вряд ли быстро их залечу, но вдруг обойдётся. А если инфекция какая в тело от ножей попала и температура поднимется? Обнаружат на мне две такие глубокие колотые раны – скандал раздуют и дырку в голове проедят, ещё и на Ивана могут подумать, что это он меня запугал и порезал.

А дохлая Зорька? Туша тяжёлая, мы её не поднимем и нормально не закопаем, а по такой жаре она уже к ночи начнёт пованивать. Бросить тут? На неё тогда наткнутся или найдут по запаху и увидят странную рану на горле, что тоже вызовет кучу вопросов. А хозяйке Зорьки что говорить? Корова стоит дорого. Иван сказал, что заплатить за неё не сможет, а я тем более.

Ещё остаётся телега со скарбом цыган и впряжённая в неё лошадь. Допустим, барахло мы прикопаем, что тоже потребует усилий, а я сейчас пастуху не помощник. Но гружёная телега оставила следы на дороге и на поле. Сжечь её легко – сено быстро разгорится, но нас может выдать дым, да и всё равно будет понятно, что изначально это была телега и её кто-то сжёг. Лошадь тоже убивать? Жалко, она-то чем провинилась, да и вонять тогда будет вдвое сильнее. А если её отпустить, то это тоже может вызвать ненужные нам вопросы и поиски пропавших.

Иван наконец уговорил Буянку встать, и та поплелась поближе к своей подружке, отъедаться. Пастух сел возле меня и вопросительно поднял брови, безмолвно спрашивая, что я решил. Недолго думая, я вывалил ему все свои соображения.

– Хорошо у тебя котелок варит, я что-то и не подумал ни про телегу, ни про лошадь. Тогда предлагай свой вариант, раз по-моему не хочешь сделать, – Иван сорвал травинку и начал задумчиво её жевать.

– Мы грузим цыган в телегу, прямо поверх Зорьки, отвязываем лошадь и везём их к участковому. Там говорим, что мы застукали их на краже коровы, они на нас напали и попытались убить, но мы победили.

– Складно стелешь. Про участие в драке ворона, твои «чёрные глаза», надожранных воров, скаковых бурёнок, которые вещи нам принесли, тоже Серкову рассказывать собрался? Не ты, так эти сдадут, – напарник кивнул на неудачливых скотокрадов.

– А если мы скажем, что им показалось? – с надеждой в голосе спросил я.

– Мелкий ты ещё, глупый, – вздохнул Однорукий. – Их Серков по отдельности будет допрашивать, и петь цыгане будут одно и то же. Он, конечно, погонник вшивый, но дело своё туго знает.

– Может, с ними договориться как-то попробовать?

– Ну да, – коротко хохотнул Иван. – Мы их искалечили, а сейчас уговаривать будем?

– Убивать их тоже не хочется, людей вообще нехорошо убивать! – я сжал кулаки и нахмурился. Все те сотни книжек, что я успел прочитать за свою короткую жизнь, учили меня совер-

шать добрые поступки и стараться избегать злых. Участвовать в убийстве, пусть даже и преступников, в неполные десять лет? Я не был к этому готов.

– Какой ты ещё наивный, Витька, – покачал головой пастух, поднялся на ноги и посмотрел на пленников. – Ну ничего, жизнь тебя быстро обломает, ежели, конечно, не помрёшь! Время пришло, решай. Везём их в Берёзовку или хороним тут?

– Везём, – голос мой не дрогнул. – Я не убийца и не хочу им становиться.

Иван покачал головой:

– Ладно, есть идея. Только не отвлекай и подыгрывай мне.

Однорукий повернулся лицом к полю и замер, весь напрягшись и широко расставив ноги. Первую минуту я не мог сообразить, чего это он, пока не увидел.

Всё стадо торопливым шагом двигалось к нам, вся сотня с лишним голов. Коровы шли на нас быстро, ни одна не издавала ни звука, изредка только позвякивали колокольчики на тех немногочисленных бурёнках, хозяева которых не поскупились. Да они не все даже хвостами махали, отгоняя слепней, и это в такую жару и полное безветрие! Всё это смотрелось настолько нереально, как в страшном сне, что пришлось тихонько ущипнуть себя за руку и поморщиться от боли – не сплю.

Стадо надвигалось на нас неотвратимо, будто разноцветная рогатая морская волна, белая, рыжая и чёрная сразу. Колокольчики звякали всё ближе. От телеги заголосили на чужом языке, я обернулся посмотреть. Та самая двухметровая детина орала и извивалась, словно растревоженная гусеница, пытаясь освободиться. Надеюсь, Иван связал их на совесть, этого длинного мы точно не догоним, если выпутается. А я сейчас использовать Ускорение не в состоянии.

Коровы тем временем добрались до нас и рассредоточились по краям поляны, окружив и нас, и телегу большим кольцом. Пастух медленно повернулся к цыганам, его лицо было бледным как мел и таким жутким, что даже у меня перехватило дыхание.

***

Золтан очнулся давно, но в силу большого жизненного опыта показывать это не торопился. Руки и ноги были накрепко связаны так, что и пытаться вырваться не стоило, – цыган понял это сразу. Верёвка плотно обхватывала шею, затылком ощущались спицы тележного

колеса. Нос явно был сломан тем большим сапогом, который отправил его в благословенную тьму, и теперь стрелял болью так, что на глаза наворачивались слёзы. Ныла рука, куда вцепилось зубами это мелкое отродье дьявола, но это ерунда, не стоящая внимания. Куда больше вожака шайки волновало, что с ними будет дальше. Интуиция подсказывала: ничего хорошего ждать не стоит. Он повращал глазами, осматриваясь, и обнаружил, что все его спутники были связаны точно так же, как и он сам, да и выглядели плохо, а значит, и надежды на них нет. Санду лежал ничком без сознания и с пробитой головой, Михай явно был не в себе – его лицо превратилось в кровавую маску, и только губы шевелились, раз за разом повторяя древнюю молитву народа рома, оберегающую от нечисти. Лешко же пугал своим видом даже многое повидавшего Золтана: кровь из выбитого глаза смешивалась со слюной, стекающей изо рта, парень был бледен как новая белая рубаха и мог только скулить, словно подыхающий от побоев пёс. Как бы вообще не помер.

Золтан кое-как приподнялся, благо спина опиралась на тележное колесо, и посмотрел сквозь верхушки стеблей травы в ту сторону, откуда доносились неразборчивые голоса. Дьяволов стало двое – большой и однорукий склонился над тем щенком с чёрными глазами. Цыгана передёрнуло, когда он вспомнил, как выглядело это подобие ребёнка, когда прыгало, целясь ему в глотку. В далёкой юности Золтану довелось зимой наткнуться на истощённого, хромающего, одинокого волка, который от отчаяния кинулся на человека в последней попытке заполучить добычу. Тогда молодому и быстрому цыгану повезло выжить: лесной хищник сдох после десятка ударов ножом в брюхо, отплатив парой глубоких укусов. Но в тот раз Золтану не было и вполовину так страшно, как сегодня.

Послышался топот, и со стороны поля показались две бегущие коровы. Цыган понял, что сомневаться, с кем он имеет дело, больше не приходится: коровы не бегают как лошади и уж точно не носят в зубах чужие вещи, словно хорошо обученные собаки. Дьяволы подобрали узлы и принялись за еду и выпивку, при этом щенок хлебал самогонку не хуже самого Золтана на хорошем застолье. Дьяволам было на них наплевать, а ведь его люди, его рома истекали кровью.

Цыган собрался с духом и кое-как отплевался от забивших рот тёмно-красных сгустков. Заляпал подбородок, грязную и мятую рубаху и, стараясь не выдать голосом свой страх, позвал:

– Эй, уважаемые! Нам бы к врачу! Пожалуйста! Лешко совсем плох.

В ответ ему посоветовали заткнуться. Трапеза на том конце поляны закончилась, и дьяволы просто спокойно трепались, причём, судя по мимике и жестам, не ругались и даже не нервничали. Золтан совсем пал духом – выходило, что связанные рома просто были им безразличны. Похоже, что им перережут глотки, да и бросят здесь, как падаль, а то и сожрут. Впрочем, Золтан и сам бы на их месте добил противников.

Время шло. Однорукий дьявол поднялся и стал вглядываться в просвечивающее через редкие деревья поле, видимо, кого-то ожидая. Цыган прикрыл глаза, ворча сквозь зубы от боли, а когда снова разлепил веки, обеспокоившись истошными криками Михая, сразу забыл обо всех неудобствах. Страх прокрался к нему в душу, стиснув её в своих холодных липких объятиях.

На поляну, не издавая ни звука, безвольной рекой шли коровы. Животных было много – наверное, это было всё их дьявольское стадо, которое давало Чёрное молоко, а то и Кровавое молоко. Как же их угораздило попасть в такой переплёт?

Коровы ровнёхонько выстроились по краям поляны и все как одна уставились прямо на Золтана.

– Это конец, сейчас они нас сожрут. Кровавое молоко и получается из таких неудачников, как мы, – пробормотал себе под нос цыган.

Однорукий дьявол тем временем что-то сказал своему отпрыску, и оба неспешно направились к пленникам. Мелкий, несмотря на то что его рубаха наполовину пропиталась кро-

вью, двигался хоть и немного скованно, но помирать не собирался и даже не особо морщился. Взрослый же пугал издалека бледным лицом и синюшными, плотно сжатыми губами. Михай заголосил громче, безуспешно пытаясь вырваться из пут:

– Моро Дэвль! Сам Бенг пришёл за нами! Он сожрёт наши души! Чёрный лагерь! Заберёт нас туда!

– Заткнись, – процедил дьявол. Михай, слава Создателю, закрыл рот. Захлопали крылья, и на плечо однорукого уселся большой чёрный ворон. Наверное, тот самый, который выклевал глаз бедному Лешко. Птица посмотрела прямо на Золтана и пронзительно каркнула, затем расправила крылья, на секунду став совсем уж пугающе огромной, и сложила их снова.

– Жить хочешь? – негромко спросил Бенг, подойдя поближе и нависнув над связанным цыганом. Ворон на его плече, склонив голову набок, уставился прямо на пленников.

Золтан, облизав пересохшие губы, кое-как выдавил из себя:

– А кто не хочет? Конечно, хочу.

– Выкупай свою жалкую жизнь. Ну и своих людей, коли они тебе дороги. Если предложишь что-нибудь интересное – уцелеете. Тряпки и железки не нужны.

Умудрённый годами рома понял, что появился небольшой, но всё же шанс спастись. Но по своей природной скаредности заколебался. Его сомнения разрешил ворон, который спрыгнул с плеча дьявола, подскакал по густой траве поближе и больно клюнул пленника в колено.

– У меня на правом бедре малый кошель на ремешке. Там немного цацок, золото и рубли.

Однорукий оскалился:

– То-то я не нашёл ничего интересного при вас, когда связывал, только несколько копеек.

Он, совершенно не стесняясь, засунул грубую мозолистую ладонь Золтану в штаны. Нашарив кошель, с силой выдернул его, порвав и одежду, и тоненький ремешок. От неожиданности и страха цыган едва не обделался.

Заглянув внутрь, дьявол довольно кивнул:

– Нам лень с вами возиться, пусть погонники разбираются. Но есть одно условие.

Сволочная птица, так никуда и не улетевшая, снова клюнула Золтана в то же колено.

– Какое? – прохрипел рома.

– Ты должен напеть участковому вот что: когда вы приехали сюда и зарезали корову, прибежали пастух с подпаском. Вы на нас напали и получили по хлебалам. На этом всё. Никаких чёрных глаз, странных ворон, бегающих коров и прочего. Вы. Не. Видели. Поклянись в этом своей душой, за себя и своих упырей, и доедете живыми до села.

– О, Моро Дэвл, и Владыка Тёмного Пути, Хозяин лагеря без огня! Я, сын крови рома, стою перед тобой у края мира, где кончается свет и начинается вечность. Клянусь своей душой, за себя и своих людей, что мы не нарушим Договор и будем молчать и не вернём назад сказанное сейчас Слово. Да будет кровь моя гореть, да будет дух мой блуждать между мирами во тьме, да будет моё имя стёрто из памяти народа, если я отступлюсь. Моро Дэвл, прими мою клятву! – проговорил Золтан, опустив голову и закрыв глаза.

– Принимаю твою клятву, – спокойно ответил пастух.

– Если соврёшь – я приду за вами, – наконец-то подало голос маленькое отродье.

Золтан устало кивнул. Рядом отчётливо всхлипнул Михай.

***

Зазнобило прямо посреди летнего солнцепёка. Иван, услышав об этом, начал собираться, но почти сразу осёкся и критическим взглядом осмотрел меня.

– Найди воду в чьих-нибудь вещах и умойся. Половина рожи в засохшей крови, по самые глаза. Выглядит так, будто ты их жрал. Хотя почему «будто»? – и, явно довольный шуткой, напарник пошёл к телеге.

Воду я нашёл в вещах одного из нападавших. Свою ведь по жаре всю выпил, а к реке сходить так и не успел. Ну а у Ивана воды отродясь не было, и мутняк закончился. Да и не дал бы он своё «топливо» бестолково тратить на умывание. В той же сумке я отрыл чью-то застиранную и выгоревшую белую майку, относительно чистую, и вытерся ею. Сильно раздражала заскорузлая от крови собственная рубашка, вот только надевать чужое было брезгливо.

Иван закинул связанных цыган в телегу, прямо на тушу Зорьки, с поразительной лёгкостью обходясь всего одной рукой. Затруднения вызвал только этот молодой с порванной щекой, Михай, кажется, – он орал на незнакомом мне языке и извивался, словно червяк, насаженный на рыболовный крючок. Пастух в итоге дал ему кнутовищем в висок и кое-как запихал обмякшее тело между задним бортом телеги и коровьей тушей.

– Собери их оружие, – негромко сказал Иван, повернувшись ко мне. Я понятливо кивнул, ведь Уголовный кодекс, взятый «на почитать» в милиции, был ещё свеж в моей памяти. Ножи – это орудия преступления.

Найти их не составило труда, ведь трава вокруг телеги оказалась прилично вытоптана. Но когда я взял в руки тот нож, которым перерезали горло бедной тёлке и с которым потом кинулся на меня Михай, – я невольно залюбовался. Наверное, когда-то это было произведением искусства: прямой обоюдоострый клинок с выемкой посредине, длиной сантиметров тридцать. Простая, но одновременно притягивающая внимание рукоять, ещё сантиметров пятнадцать, из какого-то чёрного рога. Кинжал напоминал уменьшенную копию римского гладиуса, который я хорошо запомнил, увидев в одной из библиотечных книг по истории. Я тогда сильно удивился, узнав, что легионеры Римской империи, завоевавшие огромную часть известного древним людям мира, сражались коротеньким мечом, лезвие которого было всего немногим длиннее половины метра. И это при том, что у их противников были и копья, и луки.

С одной стороны клинка было витиевато вытравлено «ЗОФ». Я подошёл к телеге и, перегнувшись через высокий борт, срезал ранее запримеченные ножны с пояса валяющегося кулём Михая. Но в каком же страшном виде было оружие: лезвие местами ржавое, ножны сильно вытертые и с глубокими царапинами. Они были обтянуты непонятным материалом посредине, похожим на бархат, который от времени и плохого ухода местами вытерся практически полностью и стал на вид грязно-бурым.

Иван вопросительно поднял брови, кивнув на кинжал в моих руках.

– Оружие побеждённого я забираю себе, по праву военного трофея, – тоже фраза, почерпнутая не помню уже из какой книги.

Однорукий рассмеялся, хотел было хлопнуть меня по плечу, но в последний момент передумал, вспомнив про мои раны.

– Спрячь тогда недалеко, только чтобы потом смог найти, – а сам положил кувалду старого цыгана поближе к нашим узлам и начал отвязывать до сих пор беспокойно всхрапывающую лошадь от дерева.

Глава 2

13 июня 1965 года, Берёзовка

Некоторое время ехали с Одноруким на передке телеги молча, думая каждый о своём. Солнце всё так же немилосердно жарило, напекая макушку, а из придорожной травы могучим хором стрекотали кузнечики. Сзади доносилось бормотание главаря шайки, который на своём непривычно звучащем для меня языке объяснял что-то подручным. К этому времени очнуться успел даже последний, которого Иван вырубил ударом кнута в голову. Воров мой напарник запихнул ближе к заднему борту таким образом, чтобы между нами оказалась туша Зорьки. Это и позволяло нам тихо переговариваться, не боясь быть услышанными.

– Почему ты сам не добил их, пока я валялся без сознания? – спросил я Однорукого. Этот вопрос изводил меня последние несколько минут, но я терпеливо дождался, пока мы двинулись в путь. Иван долго молчал, затем ответил:

– Я хотел, чтобы ты сам выбрал. Почувствовал, каково это – принимать решения и нести за них ответственность. У тебя слишком рано начались «чёрные глаза», и пора смириться с тем, что ты уже не тот маленький мальчик, который озорничал по селу ещё этой весной. Не воспримешь происходящее с тобой всерьёз – умрёшь сам, а то и заберёшь с собой ещё кого-нибудь. Приступ может начаться в любой момент, и времени соображать у тебя не будет. Хорошо, что ты умеешь исчезать и появляться в другом месте. Может, только так и спасёшься.

– Я называю это «Прыжок», – пастух в ответ кивнул, глядя на дорогу. – А ты так не умеешь?

– Нет. Только подсматривать через животных, да вселяться в них. Ну и в темноте вижу на копейку хуже, чем днём. В тебе гораздо больше Силы.

– А во сколько у тебя был первый приступ?

– В четырнадцать лет. А у моей подружки – в тринадцать.

Помолчали. У меня в голове вертелось такое количество вопросов, что я просто не мог определиться, какие из них задавать первыми. Гнедая кобылка размеренно ступала по пыльной грунтовой дороге, глухо и негромко стуча копытами по земле. Я оглянулся, снова проверяя: стадо здорово вытянулось, но следовало за нами. И вроде пока никто из коров не потерялся и не отстал.

– Иван, а ты сейчас всё стадо сразу контролируешь?

– Сбрендил? Там же больше сотни животин. Только двух главных, Ночку и Рябуху. Остальные за ними топают. И то это тяжело даётся: следить за дорогой, править лошадью, трындеть с тобой и ещё коров за собой вести. Долго я так не смогу – хватило бы силёнок до села. Голова потом трещать будет хуже, нежели с перепоя. Но и стадо я тоже не могу бросить без пригляда – ищи их потом по всей округе.

– А когда на полянку к телеге стадо… сгонял? – сбивчиво задал я следующий вопрос.

– С десяток вёл, и то чуть не надорвался, под конец уже связь терять начал. И это, заметь, после тридцати лет ежедневных упражнений.

– А я всё гадал, что у тебя за жизнь такая: с раннего утра самогонки хлебнул, шляпой накрылся и спишь почти весь день, – улыбнулся я напарнику.

– Вся моя жизнь вот там и есть, под шляпой, – посмотрев мне прямо в глаза, ответил Однорукий. – Тут же одно постылое существование. Если бы не нужда пить, жрать и деньги зарабатывать, я бы вообще не вставал.

Было видно, что пастуху не особо приятна затронутая тема, поэтому я решил увести разговор в другую сторону:

– Ты подружку упомянул. А кто она и где сейчас?

– Не хочу пока об этом. Давай лучше сказку для старлея сочиним одну на двоих. Но скажу сразу: хором петь не получится, на мелочах посыпемся, да и чернявые ещё эти... Упирай на то, что терял сознание и плохо всё помнишь. Ты, вон, в кровяке весь, вещи покоцаны. И бледный, как поганка, краше в гроб кладут. Поперва к фельдшеру заедем, там прикинься полудохлым, и Серкову не до тебя какое-то время будет.

– Мы же, вроде как, герои. Воров поймали. Разве нет? – покосился я на Ивана.

– А ты с другой стороны на это посмотри: позади лежит дохлая тёлка, которую нас общество охранять наняло, и четыре мужика, минимум один из которых искалечен, если не подох ещё, а второй, похоже, умишком тронулся. Серков с нас теперь не слезет, ещё и крайними сделает. Как бы на нары не загреметь.

Изумлённо посмотрел на Однорукого:

– Да не может быть, чтобы тебя посадили! Ты на дядю Васю наговариваешь.

– Я за жизнь всякого навидался. Вот как твой участковый в бумажках накалякает – так суд по записанному и решать будет, – раздражённо бросил в ответ Иван.

Я замолчал, обдумывая ситуацию. С точки зрения Уголовного кодекса, который я не так давно изучал, потеря глаза, скорее всего, относится к тяжким телесным повреждениям, и наказание по этой статье очень суровое. А как «квалифицируется», выражаясь по-книжному, потеря рассудка, я вообще без понятия. Будем надеяться, что цыган придёт в себя.

– Я вот до сих пор Ядро не чувствую. Совсем! – поделился я своими переживаниями с напарником. – Никогда раньше такого не было!

– А! Так после «чёрных глаз» всегда так. Забудь на некоторое время про Силу. Потом всё вернётся потихоньку.

***

Даже прикидываться особо не пришлось. В голове стремительно мутнело, накатила слабость, снова начался озноб. Раздражал тоненький звон в ушах: будто комар, которого невозможно отогнать. Разговор оборвался сам собой – мысли путались, и поддерживать внятный диалог было выше моих сил. Мы ещё только подъезжали к околице села, а я уже обмяк, привалившись к боку напарника и будучи не в состоянии сидеть прямо. Он бы и рад был меня поддержать, но единственная рука была занята вожжами.

– Витька, не раскисай! – слегка пихнул меня плечом Однорукий. – Скоро приедем!

Он ещё что-то произнёс, но звуки временами пропадали, и я не разобрал. Поле зрения сузилось. Сквозь звон и шум в ушах я слышал обрывками, как Иван, остановив телегу, сбивчиво объясняет кому-то, что надо срочно позаботиться о стаде. Поскольку мы вернулись с выпаса на несколько часов раньше, многие калитки и ворота были ещё закрыты, и надо было проследить, чтобы коровы не шарахались бесцельно по селу, объедая чужие огороды. Незнакомый мне собеседник в ответ сопел, кряхтел и ругался, но обещал разобраться, подключив мальчишек побойчее. Смысл сказанного уже с трудом доходил до моего мозга.

Наконец мы покатили дальше. Сознание мигнуло, следующий сохранившийся в памяти кадр – синее небо над головой, сменившееся деревянной притолокой и густо забелённым потолком. В нос ударила знакомая смесь ароматов фельдшерского пункта. Как это Иван меня несёт одной рукой? Я скосил глаза и увидел над собой хмурое лицо дяди Славы – оказывается, тащил меня именно он.

Меня аккуратно положили на кушетку, в поле зрения попало сосредоточенное лицо знакомой по прошлым приключениям медсестры.

– Варенька, срезаем одежду! Ревунов сказал два ножевых, – отрывистая команда Тармашева. Девушка в ответ только кивнула. В четыре руки они сноровисто избавили меня от заскорузлых остатков рубахи и грязных драных штанов.

– Пациент в сознании, кровотечение уже остановилось, крупные сосуды не задеты. Варенька, фурацилин и очищаем кожу вокруг.

– Здрасти. А ботинки мои где? – не придумал я ничего умнее. Слова еле проталкивались через пересохшее горло, а босые ноги и правда чувствовали прохладу помещения.

– О, очнулся! – дядя Слава заметно повеселел. – Чёрт с ними, с ботинками, найдутся! Рассказывай, что стряслось и где болит, не молчи!

– На нас цыгане напали, хотели корову украсть. Мы подрались, но им больше нашего досталось, – силы понемногу возвращались ко мне, говорить становилось легче. – Ранили меня в левую руку и в спину справа.

– Мальчишки, – тихо вздохнула под ухом Варя. Меня уже посадили на край кушетки, аккуратно придерживая, и возились вне поля моего зрения, осматривая спину. – Сам еле живой, а надо первым делом похвастаться, что победил.

– Можно воды? Очень пить хочется.

– Варенька, напоите пациента, проникающих в брюшную не наблюдаю. Держу его, – ответил вместо медсестры дядя Слава.

Вскоре я уже наслаждался вкусом холодной воды, отпивая мелкими глотками из поднесённой медсестрой чашки. Сам бы я посудину сейчас не удержал – руки плохо слушались и дрожали.

– Глубина ран неизвестна, зашивать не будем. Обезболиваем, обрабатываем, перевязываем и в Миасс, в стационар. Сейчас транспорт из совхоза вызову.

Чуть кольнуло прямо возле ран. Почти не заметил, настолько сильной была боль, казалось, во всём теле. Буквально через несколько секунд неприятные ощущения начали меркнуть, снова ватным одеялом наваливалась пустота в голове, вернулся временно отступивший шум в ушах. Голос дяди Славы доносился как будто бы издалека.

– Алло, Маркушин? Это Тармашев, из ФАПа! Давайте буханку ко мне, минимум двоих срочно в Миасс надо везти. Жду!

Звякнула о телефонный аппарат трубка.

– Так, Варенька, перевязали? Отлично! Пациенту укол от столбняка, укутать в покрывало и пусть отдыхает пока, а у нас ещё граждане воры на очереди.

Я уже совсем раскис, и меня, словно побитого временем плюшевого зайца с торчащей из всех щелей ватой, переложили на вторую койку, приткнувшуюся в углу помещения. Глаза слипались, я не сопротивлялся, и теперь единственным источником информации о происходящем вокруг стали уши.

Вот прохромал к порогу дядя Слава, выглянул на улицу, послышалось приглушённое:

– Здравствуйте, товарищи милиционеры! Готов принимать других пострадавших!

Дробный звук шагов по крыльцу, вот кого-то тащат под руки, шипя ругательства сквозь зубы. Чья-то обувь волочится по полу. Громкий стук. Тихий стон.

– Ну аккуратнее, товарищи! Головой об косяк-то зачем? – это фельдшер.

– Не помрёт, такая сволота не дохнет! – кажется, это рыжик-Покрышкин, помощник участкового.

– Верёвку разрезать надо, а мы его сразу пристегнём наручниками, – старлей Серков, этого опознал безошибочно.

– Ой, мамочки! – громкий вздох Вареньки. – Глаз…

Ясно, принесли этого, вороном побитого. Кажется, главарь его называл Лешко. Дурацкое имя.

Завозились, металлически щёлкнуло, заскулил цыган.

– Придержите его, ребята! Варенька, шприц с промедолом, будьте добры.

– Лежи спокойно, морда!

– Глаз! Мой глаз! Спасите глаз! – хрипло закричал, забился на кушетке цыган.

– Крепче фиксируйте! – не выдержав, повысил голос Тармашев. – Уколоть надо!

Постепенно всё стихло. Хлюпал носом Лешко. Сильнее запахло лекарствами, тихо переговаривались медики.

– Владислав Аркадьевич, как там Белов? – послышался через некоторое время голос Василия Арсентьевича.

– Два ножевых, в руку и плечо, стабилен. Явных признаков угрозы жизни нет, только сильная кровопотеря. Но глубину и направление ран я не знаю, поэтому везём в Миасс, машинку я уже вызвал. Всегда лучше перестраховаться, да и ребёнок же. А вот этому товарищу дорога однозначно к хирургам на стол, и поскорее бы. Рана неприятная, глубокая и сильно кровит.

– Значит так. Этого перевозим в наручниках, Покрышкин конвоирует. Вы едете?

– Да, в пути сопроводиловки напишу. Варенька, медкарту Белова мне найдите, как закончим с пациентом.

– Что по остальным, Аркадьевич? – решил уточнить старлей.

– Мельком осмотрел, ничего критичного. Сломанный нос, рассечение головы, пара рваных ран.

– Варя справится?

– Конечно!

– Добро, вы езжайте, а я тут займусь другими гавриками, Ревунов поможет. Потом в участок и…

На этом моменте сознание как-то тихо и незаметно угасло.

***

Море грохотало, свистело, неистово бушевало. Я стоял на палубе деревянной ладьи, широко расставив ноги и крепко обняв одной рукой мачту. Лицо задубело от холодного ветра, губы изъела соль, невыносимо хотелось пить. Тёмно-синие, почти чёрные волны, увенчанные густыми белыми шапками пены, гигантскими гребнями проносились вдоль бортов. Другие подныривали под корабль, отчего он почти вставал на дыбы, прокатывались под днищем и скидывали с себя невесомую для них древесную щепку. На вершине водяной горы сердце каждый раз тревожно замирало от краткого мига невесомости, палуба проваливалась вниз, и я в ответ чуть сгибал в коленях ноги, боясь потерять твёрдую опору. Гребцы, обычно орудующие в штиль длинными деревянными вёслами, сейчас привалились спинами к бортам. Каждый был привязан верёвкой куда счёл нужным – опытные гребцы и воины, прошедшие не одну суровую битву и не один длинный морской поход, были в состоянии сами позаботиться о себе. Только кормчий, могучий длиннобородый детина, ворочал рулём, держа в грубых мозолистых руках жизни всей команды: дал ладье развернуться поперёк волны – добро пожаловать на корм рыбам.

Толстое вервие обвивало и мою талию, крепко принайтовывая меня к мачте. Ещё не хватало сверзиться за борт – верная смерть в шторм. Голову занимал только один вопрос – кто я и куда мы плывём наперекор судьбе, вместо того чтобы отсидеться в тихой бухте, а то и вытащить драккар на песчаный берег. Заодно осмотрели бы и промазали днище, а то в некоторых местах уже начала сочиться вода…

Грохот шторма постепенно сменился глубоким басовитым рокотом, свист ветра в ушах – на металлическое постукивание и скрипы.

Надо мной склонилось встревоженное лицо дяди Славы:

– Что говоришь? – громко спросил он, пытаясь перекричать окружающие шумы.

– Куда мы плывём? – повторил я, находясь в странном пограничном состоянии. Часть меня оставалась на палубе драккара, вздрагивающего всем корпусом при каждом ударе волны.

А другая часть расположилась на жёстком лежаке, прикреплённом вдоль борта буханки, подпрыгивающей и жутко скрипящей всем корпусом от каждой ямы на грунтовой дороге. Сильно мутило.

– В больничку, Витя! Держись, скоро на асфальт выскочим, попроще станет! – почти прокричал фельдшер, наклонившись вплотную ко мне.

– Держусь, – прошептал я, покрепче стискивая мачту.

Чёртов шторм.

***

13 июня 1965 года, Миасс

Море успокоилось. Собратья-викинги радовались тому, что пережили бурю: громко переговаривались, скалили зубы в улыбке, хлопали друг друга по плечам. Ветер стих, и волны из могучих гор превратились в маленькие холмики. Качка стала ощущаться по-другому: в теле появилась лёгкость, будто я парю высоко в небе, подобно птице. Значит, мне пора.

Открыл глаза – мимо проплывал высокий белый потолок и слышались гулкие звуки шагов, отдающихся эхом в окружающем пространстве. Густая смесь запахов каких-то лекарств с кучей незнакомых ноток. Меня снова нёс на руках дядя Слава.

Я моргнул и оказался сидящим голышом на жёсткой кушетке. Кожей ощущал влажноватую простыню под собой. Пахло хлоркой, спиртом, йодом и совсем немного резиной. Всё вокруг было белое: кафель на полу и стенах, шкафы, заставленные какими-то баночками и инструментами. В голове чуть прояснилось, но всё равно мысли плавали в мутном растворе наведённого уколом сна, словно ленивые-преленивые черепахи.

Спиной ко мне стоял, немного сгорбившись, и гремел чем-то железным врач в белом халате и такого же цвета шапочке. Вот он повернулся ко мне, и я с удивлением заметил многослойную марлевую повязку на его лице, оставлявшую открытыми только глаза. Взгляд медика был уставшим, но добродушным: показалось, что под маской он чуть-чуть мне улыбался и в уголках глаз при этом появлялись лучики морщинок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.